

НОВЫЕ АВТОГРАФЫ ПУШКИНА

I

Автограф стихотворения „Красавица“

В нашем распоряжении находится остававшийся неизвестным автограф стихотворения Пушкина „Красавица“ („Всё в ней гармония, всё диво“). Это — лист альбомной бумаги белого цвета (без водяных знаков) размером $17,5 \times 21$ см, с золотым обрезаем с трех сторон. Лист был вырезан из альбома, на что указывает дугообразный край внутренней стороны листа. Варварски дважды согнутый, лист был вложен в конверт, теперь уничтоженный.

История этого автографа весьма загадочна. Лицо, владевшее им, нашло автограф в бумагах своего покойного брата. На конверте рукой неизвестного было написано: „Автографъ Пушкина, написанный имъ въ альбомъ графини Завадовской, подаренный ею Г., отъ котораго получилъ я“. Кроме этого, на конверте было написано еще одно слово: „Генвария“. Вот и всё, что мы знаем из истории этого листка.

Текст стихотворения в автографе не имеет заглавия. Первые четырнадцать строк занимают первую

страницу, последние две и подпись: „А. П.“ — вторую. Ни беловых, ни черновых автографов этого стихотворения до сих пор известно не было. Впервые оно было напечатано с подписью: „А. Пушкин“ в „Библиотеке для чтения“ 1834 года, в томе третьем, книжке пятой (стр. 238), вышедшей в свет 5 мая 1834 года. Здесь стихотворение имеет заглавие: „Красавица (Въ альбом Г****)“. Под таким же заглавием Пушкин включил пьесу в четвертую часть своих „Стихотворений“, вышедшую в свет в сентябре 1835 года. Текст „Библиотеки для чтения“ не имеет разночтений с текстом „Стихотворений“. Текст же автографа таков:

Все въ ней гармонія, все диво,
Все вышѣ міра и страстей;
Она поконтя стыдливо
Въ красѣ торжественной своей,
Она вокругъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Въ ея сіяньи пзчезаетъ
Красавицъ нашихъ гордый кругъ..

Куда бы ты не поспѣшалъ,
Хоть на послѣднее свиданье;
Какое бъ въ сердцѣ не пыталъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но встрѣтясь съ ней, въ смущеньи ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

А. П.

Текст этот имеет такие разночтения с печатным текстом:

5 стих. Она вокругъ себя вздирает: Авт.

кругомъ

Печ. т.

7 „ Красавицъ нашихъ гордый кругъ... Авт.

блѣдный

Печ. т.

7-й стих печатного текста в автографе 8-й, а 8-й печатного текста — в автографе 7-й.

10 „ “Хоть на послѣднее свиданье, Авт.

любовное

Печ. т.

13 „ Но встрѣтись съ ней, въ смущеньи ты Авт.

смущенный

Печ. т. ¹

Текст автографа нам кажется совершеннее печатного текста (кроме перестановки стихов), но последний, дважды напечатанный самим Пушкиным, никаким изменениям, конечно, не подлежит и должен остаться дефинитивным.

„Биография“ этого стихотворения крайне любопытна.

В посмертном издании сочинений Пушкина 1838--1841 гг. оно помещено (т. III, стр. 110) под тем же заглавием: „Красавица. (В альбом Г***)”² и не датировано. П. В. Анненков в своем издании (т. III, стр. 3-4) без каких-либо объяснений поместил стихотворение первым среди стихотворений 1831 года. Можно догадываться, что датировал он этим годом

1 _____

¹ Кроме этого, в автографе: выше (стих. 2); сияньи (7); не (9), не (11) вместо печатного: выше, сиянье, ни.

² В посмертном изд.— опечатка: после буквы „Г“ три звездочки, а не четыре, как в „Библиотеке для чтения“ и в „Стихотворениях“.

потому, что относил стихотворение к Н. Н. Гончаровой, хотя подзаголовок: „Въ альбомъ Г***“ оставил в таком же виде. Первым, кто в печати раскрыл это „Г“, был Г. Н. Геннади, в изд. Исакова, соч. Пушкина 1859—1860 гг. (т. I, стр. 472) без всяких объяснений в подзаголовке поставивший: „(Въ альбомъ Н. Н. Гончаровой)“. Сделал он это, надо думать, потому, что усмотрел в отнесении Анненковым стихотворения к 1831 году и в помещении его первым в ряду стихотворений этого года намек на то, что стихотворение посвящено невесте поэта, ставшей 18 февраля 1831 года Пушкиной.

И датировка стихотворения 1831 годом и приурочивание к Н. Н. Гончаровой были приняты всеми редакторами. Вслед за Геннади, Ефремов¹, Морозов², Венгеров³ и Брюсов⁴ помещали стихотворение под 1831 годом и в „Г“ видели Гончарову, хотя уже в 1889 году А. Н. Незеленов должен был бы поколебать это приурочивание. Занимаясь рукописями Пушкина в Румянцевском музее, Незеленов указал, что в копии

¹ В изд. Исакова 1880 г. (т. III, 210); в изд. Анского 1882 г. (III, 196); в изд. В. В. Комарова, 1887 г. (т. III, 165) и в изд. Суворина, 1903—1905 гг. (т. II, 285).

² В изд. Литературного фонда 1887 г. (т. II, 127) и в изд. „Просвещения“ (т. II, 155).

³ В изд. Брокгауза и Ефрона (т. III, 179).

⁴ В изд. Гиза 1920 г. (т. I, 347). Б. В. Томашевский в одномтомном издании соч. Пушкина Ленгиза не раскрывает в подзаголовке четырех звездочек и пьесу помещает среди стихотворений „разных годов“, а в оглавлении помечает: „до 1834 г.“.

стихотворения, имеющейся в тетради № 2393, представляющей собою собрание текстов, приготовленных для посмертного издания, под тремя звездочками заглавия: „Въ альбомъ Г***“ прибавлено (другими чернилами, мелко и другой рукой, но рукой ли Пушкина — сказать трудно): „рафинѣ“. „Быть может, — писал Незеленов, — стихотворение посвящено не Гончаровой“¹. Против последнего курьезно возражал Н. Ф. Сумцов, посвятивший стихотворению специальный этюд: „Стихотворение „Красавица“, по общему мнению, относится к Н. Н. Гончаровой. А. Н. Незеленов высказал по этому поводу сомнение ввиду того, что в рукописи Румянцевского музея другой рукой приписано под тремя звездочками „рафинѣ“; но эта приписка, если она сделана рукой Пушкина, указывает лишь на проблеск другой, не идущей к делу мысли, на какой-нибудь случайно промелькнувший в памяти поэта случай из обыденной жизни, может быть, намек на какого-нибудь великосветского картавого ферлакура, называвшего красавицу Гончарову графиней. Важно то, что в этой же рукописи стоит пометка „Въ альбомъ Г***“, очевидно, в альбом знаменитой тогда красавицы, невесты Пушкина, Гончаровой. Стихотворение было написано, вероятно, незадолго до свадьбы, которая состоялась 18 февраля 1831 года в Москве“². Опровергать эту гипотезу о „великосветском картавом ферлакуре, назы-

¹ „Исторический вестник“ 1889, № 3, стр. 683.

² „Пушкин“. Исследования Н. Ф. Сумцова. Харьков, 1900, стр. 244.

вавшем Гончарову графиней“, конечно, не приходится — настолько она наивна.

Работая над изданием „Просвещения“ собрания сочинений Пушкина, П. О. Морозов смотрел рукопись № 2393, о чем писал: „Копия этого стихотворения, сделанная для посмертного издания, в рукописи Московского музея, № 2393, озаглавлена: „В альбомъ „Г***“ и под тремя звездочками — рукой, кажется, Жуковского, приписано: „рафинъ“. Но эта приписка, сделанная, видимо, в устранение применения стихов к жене поэта, не должна возбуждать сомнения в том, что стихи эти написаны именно в альбом Натальи Николаевны и, вероятно, незадолго перед свадьбой, происходившей 18 февраля 1831 года“¹. Нельзя не признать объяснения Морозовым приписки букв „рафинъ“ весьма странным. Зачем было Жуковскому „устранять применение“ стихотворения, так умиленно воспевающего „красавицу“, к жене поэта, „отнимать“ у нее это стихотворение и „передать“ его какой-то „графине“?

Сильно поколебал датировку стихотворения 1831 годом Н. О. Лернер в своем примечании к пьесе в изд. Брокгауза и Ефрона собр. соч. Пушкина писавший: „... не в пользу 1831 года говорит то, что в число пьес, принадлежащих к этому году и изданных самим поэтом (III часть „Стихотворений Александра Пушкина“), данное стихотворение не вошло, а в IV части

¹ Собр. соч. Пушкина, изд. „Просвещения“, т. II. стр.,—519.

помещено между „Воеводой“ (1833 г.) и „Сказкой о золотом петушке“ (1834 г.). Правда, непосредственно за последней в IV части идут произведения, принадлежащие к разным годам (1833, 1824, 1830 и др.), но место, занимаемое здесь „Красавицей“, говорит скорее за 1833—1834 гг., чем за 1831; все предшествующие ей произведения расположены в правильном хронологическом порядке. Это уменьшает, хотя и не упраздняет совершенно, вероятность приурочения „Красавицы“ к жене поэта. Пушкину, несмотря на то, что он был женат, случалось увлекаться, конечно, строго-деломудренно, с „богомольным благоговением“, другими женщинами (см., напр., „Нет, нет, не должен я...“)¹.

С аргументацией Лернера против датировки 1831 годом нельзя не согласиться: конечно, по месту, занимаемому пьесой в IV части „Стихотворений“ Пушкина 1835 года, она едва ли написана в 1831 году.

Что касается приурочивания стихотворения к Гончаровой, то Лернер, не решаясь окончательно порвать с традицией, всё же склонен сомневаться в ней. „Предположению Незеленова нельзя отказать в известных основаниях, хотя указание неизвестного нам лица (П. О. Морозов в „Соч. Пушкина“, изд. „Просвещения“, II, 518, думает, что это был Жуковский) на какую-то неназванную графиню слишком слабый довод“, — пишет Лернер в указанном примечании.

¹ Пушкин. Изд. Брокгауза и Ефрова. т. VI, стр. 406.

Уделил внимание стихотворению и М. Л. Гофман в своей книге „Первая глава науки о Пушкине“. По вопросу о датировке он пишет: „...судя по технике, стихотворение написано вряд ли раньше 1830—1831 года, а судя по тому, что оно вошло в издание 1835, а не 1832 года, вряд ли оно написано раньше 1832 года, вернее всего предположить, что оно создано в 1832 или, что еще вероятнее (судя по времени появления в печати), в 1833 году. Таковы объективные данные для предположительной датировки пьесы“¹.

Таким образом, исходя из других соображений, Гофман приходит к тому же выводу, что и Лернер.

В „Г“ подзаголовка Гофман отказывается видеть Гончарову и строит такую гипотезу: „Повидимому, так [т. е. со словом „графинь“] Жуковский предполагал печатать пьесу в посмертном издании для скрyтия подлинного посвящения: стихотворение могло бы быть посвящено какой-нибудь определенной графине, а не вообще графине. Не скрyл ли Жуковский „графиней“ другое высокопоставленное Г — „государыню“, супругу Николая I Александру Федоровну, Лаллу Рук, о которой Пушкин в таком же тоне говорит в черновиках восьмой главы „Евгения Онегина“? Конечно, это только наше предположение, но наибо-

¹ М. Л. Гофман. Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Пгр., 1922, стр. 91 (первое издание) и стр. 93 (второе).

лее возможное, наиболее вероятное из всех предположений“¹.

Прежде всего М. Л. Гофман ошибочно утверждает, что приписка букв „рафинъ“ сделана Жуковским. М. Л. Гофман или плохо знает руку Жуковского, или, основываясь на приведенных нами словах П. О. Морозова во II томе изд. „Просвещения“ собр. соч. Пушкина, где он писал, что приписка сделана „рукой, кажется, Жуковского“, не обратил внимания на это „кажется“ и высказанное Морозовым предположительно стал утверждать уже без колебаний и оговорок.

Введенный в заблуждение Гофманом я в своей статье „Пушкин и графиня Д. Ф. Фикельмон“ возражал Гофману: „Шепоятно, почему это замысловатое, натянутое объяснение представляется М. Л. Гофману „наиболее возможным, наиболее вероятным из всех предположений“. В самом деле, для чего Жуковский, если он знал или предполагал, что стихотворение посвящено государыне, написал, что оно посвящено графине? Зачем нужна была, вместо умалчивания, недоговоренности, эта выдумка, напраслина? Когда Жуковский переделывал, искажал стихи Пушкина, то делал он это с добрым намерением провести их, хотя и в искаженном виде, в печать, но зачем ему было в стихотворении, дважды уже напечатанном, сочинять „графинь“, вместо „государыни“? Не естественнее ли

¹ М. Л. Гофман. Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. Пгр., 1922, стр. 92 (первое издание) и стр. 94 (второе).

предположить, что написанное „графинѣ“, так и читается „графинѣ“. Вопрос только в том, какую графиню разумел Жуковский. Мы предполагаем, что это — графиня Д. Ф. Фикельмон¹.

Теперь, обратившись к тетради № 2393, я убедился, что буквы „рафинѣ“ написаны не Жуковским. Так как в посмертном издании, для которого готовились тексты тетради № 2393, принимал близкое участие П. А. Плетнев, то возможно, что приписка сделана им, но категорически утверждать этого я не могу.

Итак, и в затейливой гипотезе Гофмана и в моем возражении ему Жуковский должен быть исключен. Напрасно ему Гофман приписывал этот замысловатый „отвод“ от „сударыни“, и я напрасно защищал Жуковского. Но, конечно, по существу, замена Жуковского другим лицом дела не меняет.

Что стихотворение посвящено императрице Александре Федоровне убежден был и Б. Л. Модзалевский, писавший в примечаниях к дневнику Пушкина: „Можно сказать с уверенностью, что именно государыне поэт посвятил свое стихотворение „Красавица (В альбом Г***)“, напечатанное как раз в майской книжке „Библиотеки для чтения“ 1834 года (вышедшей в свет 5 мая 1834 года) и написанное им, весьма вероятно, именно под свежим впечатлением

¹ М. А. Цявловский. Пушкин и графиня Д. Ф. Фикельмон. „Голос минувшего“, 1922 г., № 2, стр. 122.

представления своего государыне¹, которую он и обозначил буквою Г****, обыкновенно произвольно расшифровываемую издателями, как „Гончаровой“. и вследствие этого последнего датируемое, без других оснований, началом 1831 года. Припомним пьесу — и увидим, что по определениям, которыми описывает поэт воспеваемую им „красавицу“, — это может быть только государыня, царица, а не „простая смертная“². Далее, приводя текст стихотворения, Модзалевский продолжает: „Мы в 1920 и 1921 годах делали попытки найти в бывших собственных его величества библиотеках личные альбомы императрицы Александры Федоровны, с целью убедиться, нет ли там записанного рукою Пушкина этого стихотворения, но наши поиски, несмотря на содействие Б. А. Надеждина, оказались тщетными: альбомов или нет вовсе, или они вывезены в Москву при эвакуации Петрограда в 1917—1918 году. Как бы то ни было, Пушкин намеренно, из понятной нам скромности, постарался скрыть даже от друзей своих, кого именно воспел он под именем „Красавицы“. В „Онегине“ он упоминает о ней в стихах:

Подобно лилии крылатой
Колелясь входит Лагла Рук³.

¹ Пушкин представлялся Александре Федоровне 2 апреля 1834 года. М. Ц.

² Дневник Пушкина 1833—1835. Под ред. Б. Л. Модзалевского, стр. 135.

³ *Ibidem*.

По выходе в свет книги „Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах“ (М., 1825), где имеются свидетельства П. В. Нащокина, что „государыню Пушкин очень любил, благоговел перед нею“ (стр. 32), что „императрица удивительно как ему нравилась; он благоговел перед нею, даже имел к ней какое-то чувственное влечение“, Б. Л. Модзалевский в письме ко мне (от 16 октября 1925 года) писал: „Об Александре Федоровне („Всё в ней гармония“) продолжаю быть уверен, особенно после рассказов Нащокина. Жуковский стыдливо прикрыл Пушкина „графиней“.

Таково было окончательное мнение покойного пушкиниста. Но и он и я ошибались. Стихотворение, как оказывается, не посвящено ни императрице Александре Федоровне, ни графине Фикельмон. Посвящено оно графине Е. М. Завадовской, так что я был прав только относительно „графини“. Приписавший „рафине“ написал правду.

Кроме вышеприведенной надписи на конверте, в котором был автограф, мы имеем еще свидетельство М. Н. Лонгинова о том, что стихотворение „Красавица“ посвящено графине Е. М. Завадовской.

По выходе в свет в 1855 году первых шести томов собрания сочинений Пушкина под ред. П. В. Анненкова, М. Н. Лонгинов составил рукописное собрание не вошедших в это издание произведений. Будучи близко знаком с большим числом лиц, хорошо знавших Пушкина, как С. А. Соболевский, Лев Сергеевич Пушкин, кн. П. А. Вяземский, П. А. Плетнев,

П. Я. Чаадаев, В. А. Жуковский, и имея обширные связи в „высшем свете“, Лонгинов мог собрать не мало текстов Пушкина и сведений о лицах пушкинского окружения. В рукописном сборнике Лонгинова, известном в копии С. Д. Полторацкого¹, имеется „указатель и собрание анонимов и псевдонимов“ в текстах Пушкина. В этом указателе против стихотворения „Красавица“ стоит: „Гр. Завадовской“.

„Гр. Завадовская“ — это графиня Елена Михайловна Завадовская, рожденная Влодек (род. 2 декабря 1807 г., ум. 22 марта 1874 г.), дочь генерал-адъютанта, генерала-от-кавалерии, сенатора в Царстве Польском Михаила Федоровича Влодек (1780—1849) и графини Александры Дмитриевны Толстой (1785—1847). Род Влодек, известный с XVI века, принадлежал к старым подольским дворянским родам.

Исключительная красота Елены Михайловны была наследственной. Ее мать, воспетая Н. М. Карамзинным², отличалась красотой. В 1824 году (31 октября) Елена Михайловна вышла замуж за сына фаворита Екатерины II графа Василия Петровича Завадовского (1799—1855). На другой день свадьбы А. И. Тургенев писал кн. П. А. Вяземскому: „Один северный цветок, и прекраснейший, вчера сорван графом Завадовским“³. Выйдя в штатскую службу из лейб-гу-

¹ Описание этого сборника, сделанное П. К. Симони, см. в „Сочинениях М. Н. Лонгинова“, т. I, изд. Л. Э. Бухгейм, М. 1915, стр. 573—576 .

² „Русский архив“, 1882, I, стр. 187—188.

³ „Остафьевский архив“, т. III, стр. 90.

саров, где он служил в 1818—1822 годах, Завадовский с 1823 года был чиновником особых поручений в Министерстве внутренних дел, а в 1827 году перешел в Министерство юстиции, где в 1833 году был обер-прокурором 4-го департамента Сената, с 1840 года — сенатор, тайный советник и почетный опекун в 1849 году.

Графу В. П. Завадовскому принадлежит сатирическое стихотворение „Молитва лейб-гусарских офицеров“, неправильно приписываемое Пушкину.

Человек добрый и расточительный, Завадовский, прожив свое большое состояние, в 1833 году, после смерти двоюродного брата,¹ получил наследство в 600 тысяч¹.

На эти деньги в 1838—1839 годах Завадовские с таким великолепием и вкусом отделали свой дом в Петербурге, с залами в стиле Людовиков XIV и XV, с мебелью, выписанной из Англии, что его ездили смотреть как диво знакомые и даже незнакомые хозяевам люди, а осматривавший дом Жуковский сказал: „Так хорошо и мило и изящно красиво, что не знаешь, как и быть: разве взять ноги в руки“².

О красоте Е. М. Завадовской хором свидетельствуют современники. Когда граф Ф. П. Толстой ставил в Рябове Всевожского балет собственного сочинения,

¹ См. в „Русском архиве“, 1904, № 2, стр. 252 письма К. Я. Булгакова к А. Я. Булгакову.

² Дневник И. И. Козлова. „Старина и новизна“, кн. XI, стр. 64.

где должны были фигурировать богини, то Елена Михайловна изображала Венеру¹.

С другой богиней сравнивает Завадовскую Ленц, познакомившийся с ней в первой половине 30-х годов. Он говорит, что „она представляла собою роскошную фигуру Юноны“. Когда муж Елены Михайловны пригласил Ленца бывать у него запросто, граф М. Ю. Вельегорский сказал: „Слушай, не ходи туда. Артистическая душа не может спокойно созерцать такую прекрасную женщину: я испытал это на себе“².

Другой восхищенный ею пишет: „Не стану описывать ее наружности: нет возможности перечесть ее удивительную прелесть ее лица, гибкость стана, грацию и симпатичность, которыми была прочикнута вся ее особа“³.

М. Ф. Каменская, дочь графа Ф. П. Толстого, описывая бал у кн. Юсуповых в Петербурге в 1836 году, говорит, что Завадовская, „как всегда убивала всех своею царственной, холодной красотой“⁴.

Поражен был красотой Завадовской и персидский принц Хосрев-мирза, приехавший в Петербург в 1829 году с извинениями за убийство Грибоедова. По его словам: „Каждая ресница красавицы ударяет в сердце, как стрела“¹.

¹ Воспоминания М. Ф. Каменской. „Исторический вестник“, 1894, № 5, стр. 338.

² „Приключения лифляндца в Петербурге“. „Русский архив“, 1878, № 4, стр. 451.

³ Записки П. Д. Селецкого, I, Киев, 1884, стр. 9.

⁴ „Исторический вестник“ 1894, № 10, стр. 50.

С Е. М. Завадовской как общепризнанной первой красавицей сравнивают вновь вступающих в „высший свет“ женщин. А. П. Ермолов, увидавший жену Пушкина, писал 21 декабря 1831 года: „Гончаровой-Пушкиной не может женщина быть прелестнее. Здесь многие находят ее несравненно лучше красавицы Завадовской“².

Когда в 1836 году в северную столицу приехала московская красавица А. В. Киреева (рожд. Алябьева), тоже воспитанная Пушкиным, то знатоки сравнивали ее с Е. М. Завадовской и женой поэта³. „Появление ее считалось, — пишет современник, — чем-то необходимым для того, чтобы сказать, что день прогулки на Невском был удачен“⁴.

По свидетельству А. Н. Карамзина, и на балах в Париже (в январе 1837 года) она затмевала всех своей красотой⁵.

И под старость графиня еще сохраняла черты

¹ „Русский архив“, 1903, № 10, стр. 347.

² „Русский архив“, 1906, № 9, стр. 40.

³ „Остафьевский архив“, III, стр. 296.

⁴ „Очерки и воспоминания“ Н. М. Колмыкова. „Русская старина“, 1891, № 6, стр. 668.

⁵ См. „Старина и новизна“, кн. XVII, стр. 249 и 251. В записи неизвестного рассказов об императоре Николае I некоего Богуславского сказано, что „покойный Пушкин“ называл гр. Е. М. Завадовскую „Клеопатрою Невы“. („Русская старина“, 1898, № 7, стр. 38). Рассказчик, несомненно, спутал гр. Е. М. Завадовскую с гр. А. Ф. Закревской: „Клеопатрою Невы“ назвал Пушкин последнюю. См. „Заметки о Пушкине“ В. В. Вересаева в „Новом мире“, 1927, № 1, стр. 195.

красоты, о чем говорит в своих мемуарах граф М. Д. Бутурлин: „Я встретил и даже имел честь вести под руку в столовую и обратно в гостиную графиню Завадовскую, урожденную Влодек, бывшую из первых петербургских красавиц лет тридцать перед тем и все-таки мало изменившуюся в этом 1860 году“¹.

Восторженным поклонником графини был поэт И. И. Козлов, посвятивший ей стихотворение, начинающееся такими строками:

Твоя красою блещет младость,
Ты на любовь сердцам дана.
Светла, пленительна, как радость,
И, как задумчивость, нежна;
Твой голос гибкий и прелестной
Нам вест музыкой небесной,
И сладкой томностью своей
Любимой песни он млеет.
Но что так сильно увлекает,
Что выше дивной красоты?
Ах! тайна в том: она пленяет
Каким-то чувством доброты.
В лице прекрасном, белоснежном
И в алых розах на щеках.
Везде всё дышит сердцем нежным:
Оно и в голубых очах,
Оно в улыбке на устах.
И как румяною зарею
Блеск солнца пламенной струею
Бросает жизнь на небеса,
Так чистой, ангельской душою
Оживлена твоя краса².

¹ „Русский архив“, 1898, № 10, стр. 201.

² Стихотворение И. И. Козлова Изд. Маркса. Спб., 1892, 221—222.

В дневнике Козлова есть такие записи о графине Завадовской: под 9 марта 1832 года: „Я не могу выразить, как последняя чарует мое сердце. Красота, очаровательный голос, она полна какой-то притягательной силы, прелестной грации“¹ и под 15 января 1833 года: „Я люблю эту милую графиню Завадовскую, как любят прекрасную и нежную розу, которой благоухание проникает в душу“².

Воспевал в стихах Е. М. Завадовскую и кн. П. А. Вяземский. В стихотворении „Разговор 7 апреля 1832 года“ поэт, назвав ее „красавиц севера царицей молодой, чистейшей красоты высоким идеалом“, говорит, что сын севера любит в этих красавицах

...безмятежность,

Чело их, чуждое язвительных страстей,
И свежесть их лица, и плеч их белоснежность,
И пламень голубой их девственных очей.
Он любит этот взгляд, в котором нет обмана,
Улыбку свежих уст, в которой лести нет,
Величье стройное их царственного стана
И чистой прелести ненарушимый цвет.
Он любит их речей и ласк неторопливость,
И в шуме светских игр приметные едва,
Но сердцу внятные: чувствительности живость
И, чувством звучные, немногие слова³.

¹ „Старина и новизна“, кн. XI, стр. 51.

² *Ibidem*, стр. 52.

³ „Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского“, изд. графа С. Д. Шереметьева, т. IV, Спб, 1880 г., стр. 148. В примечании сказано: „На сохранившемся списке этого стихотворения рукою С. А. Соболевского под заглавием в

Образ красавицы, даваемый Вяземским, очень близок к тому, который начертан в стихах Пушкича. И здесь и там женщина ослепительной, но холодной, спокойной красоты. Такой, конечно, и была графиня Е. М. Завадовская, внушившая Пушкину одно из совершеннейших его лирических стихотворений¹.

12 июля 1929 г.

II

Автограф стихотворения „Зачем безвременную скуку“.

У вдовы Юрия Петровича Бартенева Надежды Степановны Бартеневой имеется автограф:

Зачѣм безвременную скуку
Зловѣщей [грустію] думою питать,
И неизбежную разлуку
Въ уныньи робкомъ ожидать?

скобках написано: „Графине Е. М. Завадовской“. Стихотворение впервые напечатано в альманахе „Новоселье“, 1833 г. К 1832 г. относится и другое стихотворение Вяземского, посвященное графине Е. М. Завадовской — „Благодарю я вас за перья“ (в указ. соб. соч., стр. 149—150).

¹ Графине Е. М. Завадской посвящена статья Н. О. Лернера „Северный цветок“ в ж. „Столица и усадьба“, 1917 г., № 73. Кроме гравированного портрета в „Утренней заре“, 1842 г. (воспроизведен в статье Лернера), нам известно два портрета графини Е. М. Завадовской: портрет (миниатюра) работы Бинсмана, принадлежавший графу Д. И. Толстому (воспроизведен в „Старых годах“, 1910, июль — сентябрь, стр. 148), и портрет, воспроизведенный в ж. „Столица и усадьба“, 1917, № 76, стр. 16.

И такъ ужъ близокъ день страданья,
Одинъ въ тиши пустыхъ полей
[Я] Ты буд [у] ешь звать воспоминанья
Потерянныхъ тобою дней!
Тогда изгнаниемъ и мглою
Нешастный! будешь ты готовъ
Купить хоть слово дѣвы мглою.
• Хоть легкій шумъ ея шаговъ.

1 Ноябр АП
1826

Москва

Стихотворение это впервые было напечатано в „Московском вестнике“, 1827 г., ч. 1, № 2. Затем оно вошло в издание „Стихотворений“ 1829 года среди стихотворений 1821 года. В записной книжке, хранящейся в Петербургской публичной библиотеке, которую датируют 1820—1822 гг., находятся черновые стихотворные наброски, имеющие до некоторой степени сходство в теме и в выражениях с этим стихотворением, что впервые установил Тернер.

Этим мы объясняем отнесение, сделанное самим Пушкиным, стихотворения к 1821 году. Другим основанием датировать стихотворение не 1826 годом, надо думать, было у Пушкина нежелание всякого рода толков и приурочиваний, которые могли бы возникнуть, если бы стихотворение было датировано 1826 годом. „Дева милая“, о которой говорится в этом стихотворении,—Софья Федоровна Пушкина (1806—1862), вышедшая в 1827 году за В. А. Панина (1803—1880). В нее Пушкин в это время не только был влюблен, но и сватался. О том, что стихотворение „Зачем

безвременную скуку“ относится к Софье Федоровне Пушкиной писали уже А. Ф. Кони („Первое сватовство Пушкина“. Соч. Пушкина. Изд. Брокгауза и Ефрона, ред. Венгерова, т. III, стр. 181—186), Б. Л. Модзалевский („Пушкин и его современники“, вып. IV, стр. 104—108) и Н. О. Лернер („После ссылки в Москве“, в том же изд. соч. Пушкина, т. III, стр. 344). К соображениям, высказанным ими, нужно прибавить еще, что автограф стихотворения оказался у женатого на сестре С. Ф. Пушкиной В. П. Зубкова (1799—1862), с которым Пушкин познакомился в сентябре—октябре 1826 года и у которого часто бывал¹. В 1866 году автограф этот, как значится в статье „О Чертковской библиотеке в 1866 г.“, помещенной в „Русском архиве“, 1867, № 2, стр. 317, поступил в Чертковскую библиотеку от С. П. Колошина (1825—1868), отец которого П. И. Колошин (1799—1854) получил его (в числе других автографов Пушкина) в подарок от В. П. Зубкова. Указание П. О. Морозова в академическом издании сочинений Пушкина (т. III, 1912, стр. 147 примечаний), что автограф находится в б. Чертковской библиотеке, не верно, так как, несомненно, до 1912 года автограф находился уже у П. И. Бартенева.

М. Цявловский

¹ У того же Зубкова оказался автограф и другого стихотворения, относящегося к той же С. Ф. Пушкиной-Паниной „Нет, не черкашенка она“. См. „Рассказы о Пушкине“. М., 1925, стр. 81—82.

МОСКОВСКИЙ
ПУШКИНИСТ

II

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ
Под редакцией
М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЕДЕРАЦИЯ»
МОСКВА — 1930

lib.pushkinskijdom.ru